

УДК 323.21

*А.И. Лысюк, М.Г. Соколовская***ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО:  
СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ (часть 2)\***

В данной статье исследуется преимущественно аксиологические характеристики гражданского общества. Первоначально исследуются основные мотивационные стратегии его субъектов. Указывается на специфику их действий и особенности использования ими интегрированных в них материальных ресурсов. В последующем выделяется совокупность функций, осуществляемых субъектами гражданского общества. Анализируется социокультурная, институциональная и экономическая среда функционирования его институтов. Проводятся различия между гражданским и квазигражданским обществами.

**Введение**

Как уже отмечалось в предыдущей статье, к числу субъектов гражданского общества относится широкий спектр социальных институтов и инициатив, выполняющих важную миссию по позитивной трансформации системы общественных отношений. Однако подобные институты и инициативы только тогда могут претендовать на принадлежность к гражданскому обществу, когда будут обладать определенным ценностным статусом, выраженным в соответствующих мотивационных стратегиях его субъектов – мотивах альтруистических, гуманистических, моральных, ориентированных на реализацию идеи общего социального блага.

**Мотивация субъектов гражданского общества**

Как справедливо отмечают многие исследователи, социальная деятельность людей в гражданском обществе характеризуются безусловной их активностью в общественных вопросах, но только в таких ее формах, которые обладают позитивным ценностным статусом. Так, например, по мнению Р. Патнама, «членство в гражданском обществе в гораздо большей степени связано с духом гражданского блага, нежели в обществе, ориентированном на распределение прибыли. Граждане в гражданском обществе хоть и не являются бескорыстными святыми, но рассматривают общественную сферу как нечто большее, нежели сражение за реализацию личных интересов» [1, с. 111]. В данных формах социальной практики на первый план выходит не удовлетворение личных утилитарных и меркантильных интересов индивидов, а осуществление субъектами гражданского общества позитивной социальной миссии, выполнение ими задачи общественного служения, нацеленной на конструктивную трансформацию условий жизнедеятельности человека. Исходя из подобного понимания, социальными практиками в формате гражданского общества, к примеру, могут быть и контроль за чистотой избирательной кампании, и участие в решении экологических проблем, и организация групп самопомощи среди социально уязвимых категорий населения, и активность в благотворительных акциях, и т.п. В случае же если отсутствует соответствующая (альтруистическая) мотивация социальной деятельности, то вне всякой зависимости от формального социального статуса любого общественного института и общественной инициативы, включая и структуры «третьего сектора», мы не можем говорить о них как о представителях гражданского общества.

Приведем несколько наглядных в этом отношении примеров. Очевидно, что социальные инициативы по реализации частных и групповых интересов могут нередко су-

\* Часть 1 напечатана в : *Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія.* – 2013. – № 1. – С. 36–44.

в криминальных формах: мафиозные образования, бандитские группы, коррумпированные структуры. Однако отнести их к гражданскому обществу нельзя, и в первую очередь, по их ценностным основаниям.

Другой пример: органы государственной власти в автократических режимах достаточно часто «сверху» формируют «свои» якобы структуры гражданского общества (общественные и профсоюзные организации), нацеленные в действительности на выполнение чисто политических (иногда декоративных) государственных задач. Они призваны канализировать реальные социальные инициативы в выгодное для власти русло, заблокировав деятельность сформированных «снизу» реальных институтов гражданского общества. Такие общественные организации называются в социологии контрдвижением, либо квазигражданским обществом. При этом в некоторых авторитарных государствах может складываться ситуация, когда в публичном пространстве институты квазигражданского общества качественно и количественно доминируют над субъектами подлинно гражданского общества, что, собственно говоря, соответствует изначальной цели государственной политики.

В полной мере подобная оценка относится также к определенному типу НКО, так называемым «грантососам», в основу деятельности которых (при всей их либеральной и демократической риторике) могут быть заложены чисто меркантильные соображения (получение доступа к финансовым ресурсам или же престижные соображения), а окончание внешнего финансирования приводит, как правило, к прекращению самой социальной деятельности общественной организации. Такого рода организации справедливее относить к бизнес-структурам, нежели к гражданскому обществу.

Очевидно, таким образом, что субъекты гражданского общества являются носителями не только определенного типа социальных практик, но и обладают совершенно новой ценностной парадигмой общественного развития, отличающей их аксиологически от других социальных институтов и форм общественной деятельности.

### **Функциональные характеристики гражданского общества**

Характерной чертой гражданского общества является специфическая совокупность действий, осуществляемая ее субъектами. Сама их содержательная направленность, детерминированная, как уже отмечалось, соответствующими мотивационными стратегиями, может быть самой разнообразной, охватывающей практически все сферы жизни общества. Действительно, объектом деятельности гражданского общества является все пространство социальных отношений, но в особенности та его часть, которая находится за пределами непосредственного государственного контроля и управления.

Подобная специфичность действий выражена, в свою очередь, в двух своих базовых формах: 1) ценностных принципах, имманентно социальной деятельности и 2) особенностях использования интегрированных в нее материальных ресурсов, что позволяет судить, относится ли определенный социальный феномен к гражданскому обществу или же нет.

К числу ценностных компонентов социальных практик субъектов гражданского общества относятся следующие. Во-первых, солидарность его участников при осуществлении практических акций. Речь идет об «органической» солидарности (согласно Дюркгейму), основу которой составляет общность мнений и нравственных принципов, т.е. своеобразный моральный консенсус, который отличается от солидарности «механистической», основанной на специализации функций и деловой прагматической взаимозависимости людей. Принципы солидарности должны распространяться не только на взаимодействие между людьми внутри организации, но и на построение партнерских отношений с другими организациями.

Во-вторых, наличие доверия между его участниками, что, в свою очередь, продуцирует высокий уровень социального капитала. Как отмечает американский исследователь Ф. Фукуяма, «социальный капитал – это определенный потенциал общества или его части, возникающий как результат наличия доверия между его членами... Социальный капитал не может стать результатом действий отдельного человека, он вырастает из приоритета общественных добродетелей над индивидуальными» [2, с. 52, 54]. Рост социального капитала позволяет структурам гражданского общества существенным образом повысить КПД осуществляемой деятельности.

В-третьих, для субъектов гражданского общества, для которых их социальная деятельность лишена меркантильных соображений, характерна ориентация не на конкуренцию и соперничество, а на формирование отношений сотрудничества и взаимной поддержки, и, в конечном счете, на создание социальных сетей, что, в свою очередь, усиливает и каждую организацию (инициативу). Наглядным примером в этом отношении может являться деятельность украинской сети НПО, созданной накануне парламентских выборов 2012 г. для контроля за ходом избирательного процесса, что позволило минимизировать его нарушения.

В-четвертых, деятельности в формате гражданского общества имманентно присущи и свобода выбора его акторами способов и сферы социальной деятельности, и то, что ключевым фактором его самоорганизации является свободный гражданин, по своей воле преобразующий общественную жизнь. Как следствие, развитое гражданское общество присуще именно демократическим государствам. Любой вариант внешнего принуждения его субъектов приводит к квазисостоянию, т.е. к потере ими собственной качественной определенности.

В-пятых, структурам гражданского общества по своей природе свойственен некоммерческий характер их деятельности, что естественным образом рождает волонтерские группы и организации. Речь идет, в первую очередь, об использовании их персоналом собственного рабочего времени (на бесплатной основе) для решения социальных проблем.

Кроме этого, субъекты гражданского общества, как правило, используют для осуществления социальной миссии собственные финансовые и материальные ресурсы, активно занимаясь благотворительностью. Именно в этой сфере происходит существенная разграничительная линия между развитым и неразвитым (слабым) гражданским обществом. Так, согласно Д. Лэйну, по всем аспектам финансовой поддержки новые страны – члены ЕС, в которых гражданское общество находится в зачаточном состоянии, демонстрируют значительно более низкий уровень пожертвований, чем развитые члены Евросоюза – Великобритания и Германия [3, с. 108].

Разумеется, подобный подход совершенно не исключает, а, скорее, предполагает активное использование структурами гражданского общества фондрайзинга, т.е. поиска и использования финансовых ресурсов различных фондов и организаций, включая и бюджетное финансирование, например, в случае государственного социального заказа. Однако в любом случае они призваны делать акцент на самофинансирование. Иначе возникает угроза коммерциализации, что весьма характерно для общественных организаций постсоветских государств. Все это в конечном счете приводит к падению социального авторитета структур гражданского общества. Так, при социологическом опросе жителей Брестской области (2002 г.) более половины респондентов полагали, что мотивы, лежащие в основе социальной самодеятельности, являются эгоистическими и меркантильными: ориентацию на деньги указали 26,8% респондентов, получение власти – 16,0%, престиж 9,2%. [4, с. 9].

Угрозу гражданскому обществу составляет и чрезмерная политизация этого сектора, предполагающая получение внешнего финансирования из международных поли-

тических фондов, что, с одной стороны, вызывает подозрения со стороны действующей власти (например, статус иностранного агента для НКО в США и России, финансирующихся из-за границы), а с другой – сама эта поддержка вызывает определенные обязательства получателей перед внешним донором.

По своей природе субъекты гражданского общества на принципах благотворительности могут предоставлять и некоторый набор материально-технических средств: транспорт, медицинскую технику и препараты, одежду, бытовую и компьютерную технику и др. Однако в любом случае наличие доминанты коммерческих соображений при осуществлении социальной деятельности выводит определенную структуру за пределы гражданского общества.

В-шестых, специфика гражданского общества выражается и в отсутствии авторитарного центра, контролирующего других субъектов. В нем, как правило, существует равенство между его агентами и одновременно гораздо слабее выражены социальные иерархии, нежели в политике или в экономике, а принципы их организационной культуры, помимо универсальных правил, предполагают обязательное следование императивам плюрализма.

В-седьмых, гражданскому обществу с необходимостью присущи самоорганизация, самостоятельность и самоуправление, предполагающие известную автономию его структур по отношению к государству и друг другу. Разумеется, речь не идет об отсутствии взаимодействия между ними, а о том, что центры принятия решений находятся именно в отдельных структурах гражданского общества, а не в государственных институтах, как это зачастую происходит в авторитарных режимах.

В-восьмых, гражданскому обществу характерен открытый характер деятельности, ее транспарентность, что обусловлено как позитивной направленностью самой деятельности («нечего скрывать»), так и ее публичностью, стремлением расширить круг сторонников/партнеров, а также и ее моральной составляющей, предполагающей честность в коммуникациях с властью и общественностью.

В-девятых, важной является также нацеленность структур гражданского общества на самореализацию вовлеченных в них индивидов, поскольку в рамках подобной самостоятельности естественным образом происходит не только решение конкретных общественных проблем, но и неперенный личностный рост ее участников через процессы опредмечивания и распредмечивания их сущностных сил.

В-десятых, гражданское общество основано на принципах субсидиарности. Речь идет о том, что «разграничение компетенций идет не сверху вниз, а снизу вверх, оставляя верховной власти ту часть управленческих функций, которую самостоятельно не могут выполнить нижние уровни» [5, с. 9]. В подобном случае за структурами гражданского общества закрепляются те сферы деятельности, которыми они могут продуктивно заниматься. В качестве примера можно назвать известную монополизацию в Германии сферы социальных услуг общественными и церковными организациями при обязательной финансовой поддержке государства и его же правовой регламентации этого социального сегмента.

Специфика гражданского общества выражается и в своеобразии осуществляемых ими социальных функций. При всем их многообразии исторически и логически наибольшим значением обладают функции контроля за деятельностью государственных структур, в особенности во время избирательных кампаний («избирательные мониторинги»), обеспечивающие обратную связь между общественностью и органами государственной власти, а также публичное и открытое обсуждение крупных правительственных проектов и др. По справедливому утверждению российского социолога Л. Никовской относительно своей страны, которое в полной мере может быть применено и к другим постсоветским государствам, *«главная задача ...современного гражданского*

общества в России – контролировать действия правящей политико-государственной элиты и влиять посредством своей гражданской экспертизы на функционирование государственной вертикали власти» [6, с. 102]. В этом случае граждане должны «быть подключены к поиску и реализации административных решений и иметь институциональные каналы для взаимного интенсивного обмена информацией» [7, с. 84].

Однако подобного рода деятельностью не исчерпывается социальная миссия институтов гражданского общества. В их социальной практике важную роль играют и другие функции:

- 1) репрезентация интересов отдельных социальных групп, например, людей с ограниченными возможностями или же отдельных профессиональных групп;
- 2) вовлечение гражданских объединений в сферу политического управления социальными процессами, как это происходит, например, с «фабриками мысли», дающими экспертные оценки деятельности различных социальных субъектов, общественных феноменов и др.;
- 3) повышение компетентности субъектов социальной деятельности (проведение обучающих мероприятий для субъектов агроэкотуризма в современной Беларуси);
- 4) «укрепление законопослушных форм поведения» (А. Соловьев), т.е. канализация протестных настроений в легитимные рамки;
- 5) аудит программ политических партий и блоков на предмет их реалистичности и соответствия общественным потребностям, как это делают, к примеру, негосударственные социологические службы;
- 6) совместная работа в коллективных органах (советы, комитеты, комиссии, организация консультаций и др.), что создает возможности влияния общественности на принятие политических решений;
- 7) вынесение социально значимых вопросов на общественное обсуждение и их актуализация, как это делает, к примеру, белорусская неправительственная инициатива «Наш дом», концентрируя внимание государственных органов на проблемах ЖКХ;
- 8) содействие расширению возможностей и социального пространства для общественного участия и содействие ему;
- 9) сдерживание интервенции власти в те отношения, которые люди способны регулировать без помощи и участия государства;
- 10) борьба с проявлением индивидуализма и утверждение принципов общесоциальности, поскольку структуры гражданского общества способствуют преодолению социального и личного эгоизма. При этом происходит укрепление значимых для всего общества ценностей и ценностная интеграция населения. Последняя функция имеет особое значение в эпоху консюмеризма, поскольку, как, отмечал российский социолог В. Петухов, «чтобы не допустить окончательной победы потребителя над гражданином, необходим статистически значимый слой *свободных, рационально мыслящих людей, ориентированных в своих жизненных практиках на ценности самореализации*» [8, с. 57]. В этом отношении деятельность в рамках гражданского общества выполняет важную функцию социализации личности.

### **Рамочные условия гражданского общества**

Органической частью системы под названием гражданское общество является социокультурная и институциональная среда его обитания, создающие рамочные условия функционирования и развития его институтов и институций. В изучении этого вопроса мы исходим из принципиального положения Ф. Фукуямы: «Поскольку объединение людей зависит от доверия между ними, а доверие, в свою очередь, обусловлено существующей культурой, следует сделать вывод, что в разных культурах добровольные сообщества будут развиваться в разной степени... Социальный капитал отличается от дру-

гих форм человеческого капитала тем, что обычно он создается и передается посредством культурных механизмов – таких, как религия, традиция, обычаи» [2, с. 51–52].

Социокультурный компонент представлен, в первую очередь, его цивилизационной составляющей, укоренившейся в обществе политической культурой, социальной активностью населения, наличием в обществе развитого гражданского сознания и гражданской культуры.

Именно социокультурный фактор существенным образом детерминировал сам генезис гражданского общества. Как утверждает А. Неклесса, рассуждения о генетике гражданского общества тесно связаны с феноменом коммунальной, производительной городской культуры. «Гражданское общество базируется на новом понимании личности, т.е. это *сообщество граждан-горожан*... Сообщество граждан-горожан Большого Модерна – объединения людей, не только сознающих свою общность перед лицом внешнего мира и потому заинтересованных в правильном управлении коммунальным (общим) хозяйством, но и ...обладавших удивительным, постепенно осознаваемым даром новой культуры: достоинством, присущим от рождения любому человеку» [9, с. 77–79]. Подобная мотивация не может не порождать различные формы гражданской активности.

Действительно, подавляющее число исследователей исходят из того, что гражданское общество является производной от западной цивилизации, ее институциональных и ценностных характеристик, а именно: 1) ключевого положения закона как регулятора социальных отношений; 2) способности человека совершать прагматичный, рациональный и одновременно моральный выбор; 3) индивидуализма как признания высшей ценностью уникальной человеческой жизни, прав и свобод отдельного индивида; 4) социального плюрализма разнообразных автономных групп, создающих для обслуживания собственных интересов группы давления, сетевые отношения; 5) политической конкуренции и других атрибутов демократического общества.

Все это формирует, в конечном счете, гражданскую политическую культуру, предполагающую не только общественную активность и социальную ответственность множества рядовых граждан, но и их лояльность по отношению к действующей политической системе, которая ими рассматривается не столько как противник, соперник, отчасти даже как социальный антипод, сколько как партнер в пространстве решения общественных проблем.

В связи с этим нельзя не согласиться с российским политологом А. Галкиным, утверждавшим, что «мифом является ...распространяемая посылка, согласно которой гражданское общество и политическая система – органические антагонисты, отношения между которыми имеют исключительно конфликтный характер». Отчуждение между ними «не может быть постоянным и абсолютным, поскольку это сделало бы невозможными нормальную деятельность и даже само существование общественного организма» [10, с. 123–124]. В реальности между государством и гражданским обществом возможны и необходимы позитивное и конструктивное взаимодействие, хотя бы по той причине, что общественная деятельность всегда осуществляется в рамках определенного правового и политического поля, созданного государством. Очевидно также, что институты гражданского общества и институты государства могут в решении конкретных проблем иметь общие цели и взаимно дополнять друг друга. Это происходит, например, в современной Швеции, где получили широкое распространение Местные повестки-21, созданные локальными сообществами и инициативами, но при активном бюджетном финансировании и государственном аудите.

Действительно, гражданское общество – элементарная составная часть действующей демократии. Как справедливо отмечает украинский исследователь А. Филатов, «идея, на основе которой может развиваться сотрудничество государственных институтов и общественных организаций, выражается лозунгом «государство и гражданское

общество – сотрудничество во имя демократии» [11, с. 118]. Более того, уровень демократии в каждой стране существенным образом зависит от характера взаимодействия между государством и гражданским обществом. Очевидно, что государство в различных политических системах создает условия либо поощряющие, либо затрудняющие образование структур гражданского общества. Но не менее очевидно и то, что без саморазвивающегося гражданского общества, способного контролировать правящую бюрократию, политические институты, государство никогда не будут демократическими. При этом демократическое правовое государство создает не только оптимальную правовую среду функционирования гражданского общества, но оно же одновременно ориентировано на императивы социального партнерства. В зависимости от степени демократизации общества, их приближенности к либеральным стандартам, реально могут существовать и развиваться различные типы гражданского общества, характеризующиеся различным уровнем самоорганизации и социальной зрелости.

Разумеется, при идентификации гражданского общества следует учитывать и национальную специфику. Нельзя не согласиться с Ю. Красиным: «Если же понимать под гражданским обществом энергию общественной самодеятельности и самоорганизации, то она рано или поздно бывает востребована в любом национально-государственном сообществе, в какой бы исключительно своеобразной среде оно ни развивалось. Но в этом случае обязательно признание национальной социокультурной специфики российского гражданского общества» [12, с. 121]. Другое дело, что в авторитарных режимах подобной социальной самодеятельности минимум при максимуме государства и государственного участия, что заставляет говорить о слабости гражданского общества, но, разумеется, не о его отсутствии.

Важным условием становления и развития гражданского общества является экономический компонент, а именно: 1) высокий уровень жизни населения, позволяющий гражданам «инвестировать» в социальные проекты значительные средства, что имеет принципиальное значение для развития гражданского общества как в пространстве обеспечения собственной финансовой независимости, так и осуществления благотворительных программ. Например, на протяжении последних десяти лет американские фонды ежегодно тратили на свои благотворительные проекты и инициативы в среднем 30 млрд долл., а в европейских странах – членах Евросоюза ежегодно благотворительные фонды выделяют на свои программы около 100 млрд евро. На сегодняшний день в Европе зарегистрированы и активно работают более 110 тыс. благотворительных фондов и в них заняты в среднем от 750 тыс. до 1 млн человек (прямое трудоустройство) [13, с. 8]; 2) рыночная экономика, создающая свободного экономического субъекта, способного по собственной воле распоряжаться финансовыми средствами, и являющаяся экономическим базисом гражданского общества; 3) социальная ответственность бизнеса, субъекты которого мотивированы не только утилитарными, но и гражданскими соображениями, возлагая на себя миссию финансовой поддержки социальных инициатив.

### **Заключение**

Таким образом, говоря о структурно-функциональной схеме гражданского общества, мы можем говорить о нескольких его критериях, неразрывно связанных и накладывающихся друг на друга. Первый критерий, выделяемый сугубо по формальным признакам, указывает на институты и институции в виде общественных организаций и инициатив, групп интересов, функционирующих в формате социальных инициатив и самоорганизации. Что же касается совокупности и сферы осуществляемых ими социальных практик, то они находятся совершенно вне системы непосредственного государственного управления, включают в себя практически все социальное пространство, но при этом в достаточно высокой степени сфокусированы на функциях демократического

контроля за деятельностью органов государственной власти, исходя из принципов субсидиарности. Однако далеко не все из выше названных институтов и социальных практик в конечном счете соответствуют второму критерию гражданского общества: к нему принадлежат только те из них, персонал которых мотивируются соответствующим образом, т.е. альтруистическими, гуманистическими мотивами социального служения, на периферию при этом отодвигая меркантильные (коммерческие) соображения. Поэтому не случайно, а закономерно подобные общественные организации и инициативы называются некоммерческими, в то время как те из них, кто претендует на этот статус, но отдает предпочтение утилитарным экономическим соображениям, его лишаются.

Третий критерий делает акцент только на тех общественных структурах и инициативах, которые, исходя из подобной моральной и социально ответственной мотивации, соответствуя организационным (правовым) критериям гражданского общества и четко осознавая свою общественную миссию, делают выбор в пользу тех способов действий, которые основаны на определенных ценностях: принципах демократии, солидарности, сотрудничества, прозрачности, самоорганизации и самореализации их носителей. Следовательно, в конечном счете к числу структур гражданского общества относятся только те социальные институты и инициативы, которые соответствуют этим трем критериям. Остальные же общественные структуры при всем внешнем их соответствии критериям гражданского общества в реальности относятся к квазигражданскому обществу.

Разумеется, речь идет о некоей идеальной картине, в которой институты гражданского общества выступают в «чистом виде». В реальности они являют собой достаточно противоречивую картину, заключая в себе как высокие мотивы, так и меркантильные стратегии, как самоорганизацию, так и определенный уровень внешнего управления. Перевес одной из них позволяет судить о доминанте в них либо миссии общественного служения, а значит, о наличии гражданского общества либо ее отсутствии или ограниченности, т.е. о его квази(псевдо)состоянии.

Институты гражданского общества естественным образом интегрированы в определенное социокультурное, политическое и экономическое пространство, которое способствует их развитию либо же ограничивает их. Разумеется, в условиях авторитарной традиции и политического патернализма гражданские инициативы в той или иной степени неизбежно блокируются, и, наоборот, политический плюрализм и правовое государство стимулируют его развитие. В полной мере подобный подход характерен и для экономической составляющей: рыночная экономика способствует его развитию, в то время как экономическая монополия оказывает на него разрушающее воздействие.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Патнам, Р.Д. Творення демократії. Традиції громадської активності в сучасній Італії / Р.Д. Патнам. – Київ : Основи, 2001. – 302 с.
2. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели на пути к процветанию / Ф. Фукуяма. – М. : ООО «АСТ», 2004. – 730 с.
3. Лэйн, Д. Гражданское общество в странах ЕС: идеология, институты и продвижение демократии / Д. Лэйн // Полис. – 2012. – № 2. – С. 98–116.
4. Лысюк, А.И. Общественные инициативы Брестского региона: социологический анализ / А.И. Лысюк, М.Г. Соколовская // Аналитический бюллетень Белорусских Фабрик мысли. – 2002. – № 4. – С. 4–11.
5. Сердобинцев, К.С. Дифференциация власти, собственности и управления – необходимое условие модернизации и развития гражданского общества в России / К.С. Сердобинцев // Вопросы философии. – 2012. – № 4. – С. 3–13.



6. Никовская, Л.И. Конфликтологический анализ современного гражданского общества / Л.И. Никовская // Полис. – 2012. – № 3. – С. 100–104.
7. Никовская, Л.И. Публичная политика в регионах России / Л.И. Никовская, В.И. Якимец // Полис. – 2011. – № 1. – С. 80–95.
8. Петухов, В.В. Гражданское участие в контексте политической модернизации России / В.В. Петухов // Социс. – 2012. – № 1. – С. 48–60.
9. Неклесса, А.И. Генетика гражданского общества / А.И. Неклесса // Полис. – 2012. – № 3. – С. 77–84.
10. Галкин, А.А. Гражданское общество: мифы и реальность / А.А. Галкин // Полис. – 2012. – № 2. – С. 123–126.
11. Филатов, А.С. Демократия и гражданское общество: украинский выбор / А.С. Филатов // Украина: гражданское общество в контексте европейской интеграции. – Луганск : Знания, 2004. – С. 66–160.
12. Красин, Ю.А. Становление гражданского общества. Российская головоломка / Ю.А. Галкин // Полис. – 2012. – № 2. – С. 120–123.
13. Гулевская-Черныш, А. Европейская благотворительность: мы и они / А. Гулевская-Черныш // Зеркало недели. Украина. – № 4. – 1 февр. 2013 г. – С. 8.

***Lysiuk A.I., Sokolovskaja M.G. Civil Society: Structural-Functional Characteristics (Part 2)***

The purpose of this article is primarily the study of civil society's axiological characteristics. Firstly, the main motivational strategies of its subjects are studied. The specific nature of their activities and the peculiarities of use of material resources integrated into them are pointed out. Next, the totality of functions, executed by the subjects of civil society is singled out. The socio-cultural, institutional, and economic environment of its institutions' functioning is studied. Distinctions are made between civil and quasi-civil societies.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 03.06.2013